

ЛЕКСИКА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ ПОНЯТИЕ «ДУША» В ЮЖНОСИБИРСКИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Е.В. Тюнтешева, А.А. Озонова, О.Ю. Шагдурова, А.В. Байыр-оол

Аннотация. Приводится сравнительное исследование названий «душ» в тюркских языках Сибири с точки зрения особенностей их употребления в фольклорных произведениях, переводных христианских и современных художественных текстах. Уделяется внимание возможностям передачи русского понятия «душа» в тех или иных контекстах в рассматриваемых языках, в этом состоит новизна исследования и его актуальность в связи с новым витком развития переводной литературы. В отличие от русского понятия «душа», совмещающего в себе обширный спектр смыслов, в картине мира сибирских тюрков существует множество субстанций, связанных с различными проявлениями человеческой природы. Часть из них связана с физической сферой (отражением ее являются названия «душ», относящиеся к традиционным верованиям), а часть – с ментальной и психической деятельностью человека. Последнюю часто репрезентируют также такие соматические термины, как живот, сердце, печень. Анализ показал, что из всех терминов, обозначающих «души» в традиционных религиозных представлениях, в рассматриваемых текстах преимущественно используются три: *кут*, *сүне* ~ *сүнезин*, *тын*, реже *жула* ~ *чула*. Традиционные названия «душ» встречаются в основном в фольклоре (*тын*, *кут* ~ *хут*, *жула* ~ *чула*) или в определенном контексте, связанном с традиционными верованиями. Некоторые названия «душ» выступают как компоненты устойчивых сочетаний, большинство которых структурно и семантически одинаковы и находят соответствия в тюркских языках других регионов. Названия «душ», связанные с шаманизмом, также были использованы в ранних и современных переводных христианских текстах на алтайском и хакасском языках (*тын*, *кут* ~ *хут*, *жула*, *сүне*). В современном тувинском языке монгольское заимствование *сеткил* заняло центральное место как обозначение понятия 'душа', в том числе и в христианских текстах, а также при описании психической деятельности человека. Традиционные названия «душ», кроме упомянутого выше тувинского *сеткил*, в силу своей специфики для описания эмоциональной сферы не используются. В современных художественных текстах внутренний, духовный мир человека выражается посредством других лексем, значение которых можно определить как 'душа, духовный мир человека'. При этом для данных лексем значение 'душа' не является основным. Основное же их значение относится к интеллекту, желаниям и физиологии человека. Исключение составляет хакасское заимствование *чан* с основным значением 'душа', которое в этом отношении,

а также по употреблению в функции обращения близко к аналогичному заимствованию в несибирских тюркских языках, где данное слово получило широкое распространение. Остальные наименования в сибирских тюркских языках, которые соотносятся с русским понятием *душа* как «средоточие внутреннего мира человека», условно можно разделить на три группы: 1) лексемы, основное значение которых ‘ум’, ‘мысль’: тув. *сагыш* с основным значением ‘память, сохранение в сознании происходящего’; тув. *сеткил* ‘мысль, дума’; 2) слова с основным значением ‘желание’, ‘настроение’: алт. *күүн* ~ хак. *көңү* ‘желание’ ~ тув. *хөңнү* ‘настроение’; 3) лексемы, общее значение которых можно обозначить как ‘нутро’ (область, которая находится внутри): алт. *ич* ~ хак. *істі* ~ тув. *ижин* ‘нутро, живот’; алт. *өзөк* ‘нутро, живот’. Важными центрами эмоциональной жизни человека в языковой картине мира тюркских народов Сибири являются также *буур* ~ *баар* ~ *паар* ‘печень’ и *јүрек* ~ *чүрек* ~ *чурек* ‘сердце’. Печень чаще всего выступает как средоточие добрых чувств, в представлениях данных языковых коллективов связывается с родством, детьми. На русский язык это слово в некоторых контекстах можно перевести как ‘душа’. Исследование показало, что четко прослеживается связь душевного состояния с ментальной сферой, особенно в тувинском, что не так ярко выражено в тюркских языках за пределами Сибири. Возможно, это влияние на сибирские языки монгольских языков, для которых неразрывный комплекс интеллектуальной и психической деятельности человека является характерной чертой.

Ключевые слова: тюркские языки Сибири; традиционное мировоззрение; лексика духовной культуры; понятие «душа»; языковая картина мира; переводные христианские тексты.

Введение

Представление о душе как о бессмертной нематериальной части человека характерно для христианских европейских народов. Применительно к традиционному мировоззрению коренных народов Сибири, как отмечают этнографы, термин «душа» условен. В русской картине мира душа связывает человека с высшим духовным началом и противопоставляется грешному телу. В то же время «душа в наивно-языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и “заведующий” внутренней жизнью человека» [1, С. 137].

По представлениям сибирских народов в одном человеке несколько душ, имеющих свои характеристики и выполняющих определенные функции. Они могут временно (например, во время сна) или навсегда покидать тело человека, некоторые из них могут быть видимы. Они возвращаются в тело самостоятельно либо при помощи шамана. Тем самым души являются материальными субстанциями и не противопоставляются телу [2–5]. Одни исследователи называют их двойниками человека [3. С. 27–28], другие же отмечают, что и данное понятие может относиться не ко всем «душам». Так, Л.П. Потапов считает, что *тын* «не обозначает ни понятия “душа” в христианском смысле, ни

понятия “двойник” в шаманистском значении» [3. С. 32]. В.А. Муйтуева, возражая против использования понятия «двойник», указывает на несоответствие большинства «душ» облику человека [6. С. 10]. Соглашаясь с мнением В.А. Муйтуевой и других исследователей о неприменимости терминов *душа* и *двойник* к духовным субстанциям в традиционном мировоззрении тюркских народов Сибири, мы в своей работе все же оставляем более привычный термин «душа».

Названия и свойства «душ» у тюркских народов Сибири получили освещение в этнографической литературе, начиная с конца XIX в. [2–4, 7–13]. Насчитывают до восьми названий душ: алт., хак. *сүне* / тув. *сүнезин* / тоф. *сүнэ* / *сүнэсин*; алт., кум., чалк., тоф. *кут* / хак. *хут*; алт., хак., кум., чалк. *тын*; алт., чалк. *сүр*, хак. *сүр* / *сүрүн*; алт., кум., чалк., хак. *үзүт* / тоф. *үзүт*; алт. *жула* / хак. *чула*; алт., хак. *сус*; алт. *жел-салкын*. Все они имеют разные свойства и функции.

С лингвистической точки зрения эта тема разработана недостаточно. Первое серьезное исследование по названию «душ», объединяющее этнографические и языковые данные, принадлежит Н.А. Баскакову и Н.А. Яимовой. Они представили систему таких обозначений в алтайском языке. Как обобщающее понятие души человека авторы выделяли лексему *сүне*, так как «это обозначение в одинаковой степени применимо к душе и живого и умершего человека» [14. С. 9], и считали, что «все остальные названия для души... обозначают ее конкретные преобразования» [Там же]. Эти термины исследователи подразделяют на обозначения душ прижизненных (*тын*, *гут*, *джула*, *сүр*) и посмертных (*аруу көрмös*, *джаман көрмös*, *джел-салгын*, *үзүт*); отторгаемых (*джула*, *сүр*), обладающих возможностью покинуть человека при его жизни, и неотторгаемых, уход которых сопровождается немедленной смертью (*тын*, *гут*); материальных (*гут*, *сүр*; *джел-салгын*, *үзүт*) и нематериальных субстанций (*тын*, *джула*; *аруу көрмös*, *джаман көрмös*), а также определяют такие свойства посмертных душ, как «добродетельность» (*аруу көрмös*, *джел-салгын*) и «порочность» (*джаман көрмös*, *үзүт*). В результате этимологического анализа Н.А. Баскаков и Н.А. Яимова приходят к выводу, что «различные наименования души возникли в связи с различного рода запретами, табу, например, в женском языке», так как корневые основы названий «душ», восходят, по их мнению, к *тын*- ‘умирать’, *сүн*- ‘гаснуть’, ‘гибнуть’, *үүс*- ‘гаснуть, потухать’ [Там же. С. 14].

В силу специфики традиционных названий «душ» миссионеры столкнулись с проблемой обозначения христианского понятия души как бессмертной субстанции в человеке, которая имеет божественную природу. В переводной христианской литературе русское понятие «душа» переводится несколькими лексемами, разными в различных языках.

Анализ фольклорных, переводных религиозных текстов, художественных произведений показал преимущественное употребление в

рассматриваемых языках трех терминов, относящихся к традиционным религиозным представлениям тюркских народов Южной Сибири: *кут*, *сўне* ~ *сунезин*, *тын*, реже *јула* ~ *чула*. Некоторые названия «душ» используются в устойчивых сочетаниях, большинство которых структурно и семантически одинаковы и находят соответствия в тюркских языках других регионов. Что же касается внутреннего, духовного мира человека, его *душевного склада*, с ним в рассматриваемых языках соотносены другие названия «душ», связанные с мыслительной деятельностью человека, его настроением и желанием. В современных художественных текстах это понятие часто также передается словами со значением 'сердце', 'жизнь', 'желание', 'мысль, разум' и др.

В данной статье рассматривается функционирование лексем *кут*, *сўне* ~ *сунезин*, *тын*, *јула* ~ *чула* в фольклорных, переводных христианских и современных художественных текстах на алтайском, хакасском и тувинском языках. Уделяется внимание возможностям передачи русского понятия «душа» в тех или иных контекстах в рассматриваемых языках. В этом состоит новизна исследования и его актуальность в связи с новым витком развития переводной литературы.

Для нашего исследования были применены описательный и сравнительный методы, метод контекстуального анализа.

Методология

В русском языкознании существует множество исследований, посвященных раскрытию понятия «душа» как важнейшего элемента языковой картины мира русского этноса [1, 15–17]. В этих работах описаны особенности употребления данной лексемы в фольклорных текстах, в древнерусских летописях, на материале современного языка, в том числе в сравнении с другими языками, в произведениях художественной литературы. *Душа* и такие компоненты языковой модели человека, как *сердце*, *ум*, рассматриваются в рамках когнитивной лингвистики как базовые концепты, выявляются их характеристики через парадигматические и синтагматические отношения в различных стратах культуры [16, 17].

В монографии Е.В. Урысон [15], представителя московской семантической школы, также исследуются понятия *душа*, *дух*, *сердце*, *ум* и некоторые другие: *совесть*, *память*, *воображение*, *воля*, *слух*, *зрения* и др. В языковой картине мира, которая отличается от научной и может отличаться от обыденной, все они предстают и как способности-функции, и как невидимые органы. Автор относит рассматриваемые ею лексемы именно к названиям органов в силу их «анатомической» сочетаемости, хотя уточняет, что такой сочетаемостью они обладают в разной степени. Так, *душа*, не являясь материальным орга-

ном, может все же *болеть* (*душа болит*), по аналогии с обычным материальным органом.

А.Д. Шмелёв, анализирует лексемы *душа*, *дух* как ключевые слова русской языковой картины мира, лингвоспецифичные лексические единицы. При этом он исследует нетривиальные «семантические конфигурации», смыслы, относящиеся, прежде всего, к неассертивным компонентам высказывания. Такие высказывания отражают фоновые знания говорящих, уже известную им информацию и не требуют утверждения, т.е. воспринимаются носителями языка как само собой разумеющееся [1. С. 23]. А.Д. Шмелёв рассматривает лексическое окружение слов *душа*, *дух*, свободные и устойчивые сочетания с этими компонентами. Он отмечает, что, «если для христианской антропологии человек имеет тройственное значение (*дух–душа–тело*), то для наивно-языкового сознания указанную триаду скорее заменяют две оппозиции: *дух–плоть* и *душа–тело*», причем различия между понятиями *душа* и *дух* в языке настолько существенны, что «практически нет контекстов, в которых *дух* и *душа* были бы взаимозаменяемы» [Там же. С. 137].

В тюркологии названия «душ» описаны в большей степени в культурологическом аспекте [18, 19], малоисследованным остается аспект лингвистический. Практически отсутствуют работы, в которых выявляются особенности употребления названий «душ» в современных сибирских тюркских языках. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка» [20] с лингвистической и лингвокультурологической точки зрения рассматривается только *qut* как общетюркское слово. Приводятся гипотезы его происхождения, проводится анализ значений этого слова в древнетюркских письменных памятниках и современных языках.

Описание названий «душ» в алтайском и тувинском языках содержится в статьях Т.А. Голиковой [21], Ч.Ч. Ондар [22], в которых рассматриваются как сами лексемы, так и фразеологизмы с этими компонентами. В статье Ч.Ч. Ондар рассматриваются следующие обозначения «душ» в тувинском языке: *тын*, *сагыш*, *сеткил*, *сүнезин*, – *кижи-ниң сүнезини* (букв.: человека душа) ‘главная душа человека’ и *кижи-ниң бора сүнезини* (букв. человека серая душа, «которая оставалась в юрте, после того, как в ней умер человек, потерявший главную душу») [22. С. 55]. Нам примеры с названиями разновидностей *сүнезин* не встретились. Автор отмечает восприятие тувинцами дыхания (*тын*), говорения (голоса), звучания (слуха) как взаимосвязанных явлений, прямо соотносимых с мышлением, и приходит к заключению о том, что «в живом человеке дыхание-душа – *тын* и мысль – *сагыш* неразрывно связаны между собой, хотя и не составляют единого целого» [Там же]. Ч.Ч. Ондар указывает на то, что наиболее широкую сочетаемость из

всех этих слов имеет лексема *сеткил*, связанная с описанием внутреннего мира человека, и анализирует сочетания ее с прилагательными, участие этого термина в характеристике внутренних качеств человека.

Небольшой параграф в монографии Е.В. Тюттешевой посвящен названиям «душ» как компонентам фразеологизмов в тюркских языках Сибири в сравнении с казахским и киргизским языками. Выявлено, что названия «душ» входят в состав фразеологических единиц, описывающих преимущественно физическое состояние и эмоциональные состояния, осознаваемые как близкие к смерти (сильный страх, ужас) [23. С. 58]. Определены также некоторые другие лексемы, проявляющие аналогичную сочетаемость. Автор указывает на разный «набор душ» во фразеологизмах, характеризующих физическое и эмоциональное состояние человека.

Ряд статей посвящен анализу названий «душ» и слов с ментальными и совмещенными (ум-душа) значениями в монгольских языках [24–27]. В них исследуется этимология, семантическая структура, сочетаемость данных наименований, отражающие особенности категоризации реальности и представления данных языковых коллективов о человеке, его строении, эмоционально-ментальном, духовном мире. В сибирских тюркских языках также встречаются некоторые из этих слов, заимствованных из монгольских языков. Названные работы показывают явное монгольское влияние на формирование тенденции превалирования ментальной, интеллектуальной составляющей в понятии «душа какместилище внутренней жизни человека» в тувинской языковой картине мира.

Перечисленные работы в той или иной степени послужили методологической базой для написания данной статьи.

Исследование и результаты

Традиционные названия «душ» в фольклорных и современных текстах. В фольклоре традиционные названия «душ» встречаются, прежде всего, в шаманских песнопениях и в героическом эпосе. В героическом эпосе тюркских народов Южной Сибири, как правило, встречаются только некоторые из лексем, обозначающих «души»: *тын*, *кут*, *сўне* ~ *сўнезин*, *реже жула* ~ *чула*. Два первых названия – общетюркские, тюркские по происхождению; третье и, скорее всего, четвертое – монгольские заимствования, распространенные только в тюркских языках Южной Сибири.

Кут ‘жизненная сила, душа; зародыш, эмбрион; счастье, удача; оберег, амулет’ в разных фонетических вариантах встречается в большинстве тюркских языков и древнетюркских памятниках: др.-т. *qut*, алт., каз., ккал., кирг., кум., ног., тоф., тув., чалк., шор., як. *кут*, башк.

кот, тат. *кот*, хак. *хут*. Это слово зафиксировано не только в тюркских, но также в монгольских, тунгусо-маньчжурских языках: монг. *хутаг* 'счастье, благополучие, благоденствие, святость' [28. С. 174], тунг. *kutu* 'счастье', маньчж. *xutu* 'душа умершего, дух' [20. С. 592]. Например, Г. Рамстедт, Г. Дерфер, авторы «Этимологического словаря тюркских языков...», относят монгольское *xutag* к тюркским заимствованиям [29. С. 176].

В древнетюркских памятниках лексема *кут* зафиксирована в следующих значениях: *qut* I 1) душа; жизненная сила, дух; 2) календ. элемент; *qut* II 1) счастье, благо, благодать, благополучие; удача, успех; счастливый удел; 2) *перен.* достоинство, величие; 3) *рел.* состояние истинного бытия, блаженства (*обычно о будде, архате*), блаженство [30. С. 471].

В сибирских тюркских языках сохранилось *кут* I (кроме второго значения – календ. элемент), в алтайском языке также выделяется значение 'зародыш, эмбрион'. Из трех рассматриваемых сибирских тюркских языков только в хакасском *хут* стал основным, общим термином для души. В алтайском и тувинском, как и во многих других современных тюркских языках, лексема *кут* как название души (или двойника человека) практически не употребляется. Она встречается только в этнографических работах, словарях и в составе устойчивых сочетаний, выражающих в основном сильный страх: душа-*кут* покидает тело при сильном испуге. Это фразеологизмы с глаголами алт. *чык*= ~ хак. *сых*=, тув. *ун*= 'выходить', хак. *чачыра*= 'отскакивать', тув. *чайла*= 'отходить': алт. *куды чык*=, хак. *худы сых*=, *куду ун*= (букв.: *кут*=его выйти) 'сильно испугаться'; ср. также як. *кута ыстанна* (букв.: душа его выскочила) 'душа ушла в пятки'; *куду чайла*= (букв.: *кут*=его отойти); ср. монг. с тем же глаголом, хотя и с другим названием души: *сүнс зайлах* (букв.: *сүнс*=его отойти) [31. С. 143].

В тюркских языках за пределами Сибири также встречаются фразеологизмы с такой структурой, включающие компонент *қут*= в древнем значении 'душа'. Но в них используются другие глаголы, обозначающие «уход» души: каз. *қуты кет*= (букв.: *кут*=его уйти) 'сильно пугаться'; *құты қаш*= (букв.: *кут*=его убежать) 1) лица [на нем] нет, сам не свой; 2) терять душевное равновесие; *құт=ы ұш*= (букв.: *кут*=его улететь) 'приходить в замешательство' [32. С. 571]; башк. *кот ос*= (букв.: *кот* улететь) 'сильно испугаться' [33. С. 374]. В тувинском языке в таких сочетаниях употребляются также глаголы *ышкын*= 'ронять', *чайыл*= 'сваливаться': *куду чайыл*= (букв.: *кут*=его свалиться), *кудун ышкын*= (букв.: *кут*=свой ронять) 'терять голову, впадать в панику'. Глагол со значением 'ронять' как компонент фразеологизмов не характерен для тюркских языков, зато встречается в монгольском, например: *зүрх алдах* (букв.: сердце ронять) 'робеть, трусить, терять присутствие духа'. Таким образом, возможно, в тувинском языке в этом случае проявилось монголь-

ское влияние. Хакасский фразеологизм *худы чарыл*= (букв.: *хут*=его лопнуть) ‘сильно испугаться’ возник, видимо, уже по аналогии с *чүрек чарыл*= (букв.: сердце лопнуть) ‘жутко, боязно’ [34. С. 949].

В хакасском и тувинском *хут* ~ *кут* встречается в составе парных слов: хак. *ис-хут* ‘рассудок-душа’, тув. *угаан-кут* ‘рассудок-душа’.

Тын также является общетюркским словом, зафиксированным в древнетюркских памятниках в значениях ‘дыхание’, ‘дух’ [30. С. 567]. Н.А. Баскаков и Н.А. Якимова указывают, что его этимология «тесно связана с понятием “дух, дышать, дыхание, душа”, т.е. это слово является прямым аналогом русского слова “душа”», производного от корня *дых*=, *дух*= [14. С. 10]. В монгольских языках лексема *амь* (*амин*) также обозначает 1) жизнь, жизненная сила, душа; сердце, дух; 2) дыхание [35. С. 95–98]. «Сближение души и дыхания или их тождество сохранилось во многих языках (в лат. яз. связано с понятием *ветра, воздуха...*)» [22. С. 53]. По верованиям хакасов душу *тын* передал людям творец *Ах Худай* «от дуновения ветерка (*тан*)» [13. С. 102].

В отличие от *кут*, *тын* встречается только в тюркских языках (алт., хак., шор., тув., як., сиб. тат., кирг., башк., тат., чув., уйг.; каз. *тыныс*), оно употребляется в значениях ‘дыхание’, ‘душа’, ‘жизнь’, ‘тишина, спокойствие’. Из тюркских языков слово было заимствовано в марийский и удмуртский [36. С. 333].

Значение ‘душа’ у лексемы *тын* остается преимущественно в тюркских языках Сибири в силу сохранения у их носителей традиционного мировоззрения. *Тын* – душа человека и животного, проявляющаяся в их способности дышать, это «жизненность, присущая как животному, так и растению» [37. С. 2948]. В алтайском языке *тынду* (букв.: с дыханием / с душой-*тын*) 1. *прил.* ‘живой’; 2. *сущ.* ‘животное’: *Ийт – ирkit улуска агару тынду* ‘Собака для ирkitов священное **животное**’ (ТА, 190). В современных алтайском, хакасском языках *тын* часто используется в значениях ‘жизнь’, ‘дыхание’. Иногда бывает сложно точно определить значение этой лексемы, например: хак. «*Нёös ол тiрiлбес?*» – *сагыссыраан Сергей, күчүгеске тын кирерге күстенiп* (КНХ, 154) ‘– «Неужели он не оживет?» – переживал Сергей, стараясь вернуть **дыхание (жизнь)** (букв.: *тын* ввести) щенку’; тув. *Көрөм, чүнү-даа болза ооң тыны дээш алыңар, бээр бис* (ЧИ, НТ, 184) ‘Смотри, берите, все что угодно за его **жизнь (душу)**, дадим’.

Во фразеологических единицах с компонентом *тын* прослеживаются некоторые ее свойства в традиционных представлениях. Фразеологизмы с этой лексемой, обозначающие смерть, одинаковы во всех рассматриваемых языках.

Фразеологизмы с компонентом *тын* и глаголом *чык*= ~ *сых*= ‘**выходить**’ отражают веру в то, что во время смерти душа выходит вместе с дыханием:

алт. *тыны чык* = (букв.: душа-тын=его выйти) ‘умереть’; ср. монг. *амь гарах* (букв.: душа-амь (‘дыхание’) выйти) 1) остаться в живых, избежать смерти; спасаться; 2) испускать дух, умереть, лишиться жизни [35. С. 96]; шор. *тыны шық* = ‘умереть’. В тюркских языках за пределами Сибири, например, в киргизском, казахском и башкирском языках, где также имеется слово *тын* ~ *тыныс* ‘дыхание’, функциональным аналогом в данном случае выступает лексема *жан* ~ *йән* ‘душа’, заимствованная из персидского. Примечательно, что перс. *джан* также имеет значения ‘дыхание’, ‘душа’, ‘жизнь’: каз. *жаны шық* = (душа-жан его выйти) ‘умереть’. Ср. башк. *Көсө бөткәс, кешенең йәне озон тын булып сыга. Тыны акка сыкһын тип, үлә торған кешенең ауызын ак менән ябалар* [38. С. 337]. ‘Обессилив, душа-йән человека покидает тело одним длинным дыханием (тын). Чтобы душа-тын (дыхание) вышла на белое, рот умирающего человека накрывают белым [платком]’. Антонимичными им являются фразеологизмы с глаголом алт. *кир* = ‘входить’, хак. *кир* = ‘вводить’: алт. *тыны кир* = (букв.: тын его войти) ‘ожить’.

Во фразеологизмах с глаголами *үзүл* = ~ *үзіл* = ~ *үзүл* ‘оборваться’, *үс* = ‘оборвать’; *кыйыл* = ~ *хыйыл* = ‘прерваться’, ‘быть обрезанным’, *кый* = ~ *хый* = ‘обрезать’ проявляется представление тюркских народов Сибири о душе-тын как о нити, которая обрывается в момент смерти: алт. *тыны үзүл* =, хак. *тыны үзіл* = 1) прерваться дыханию; 2) *перен. груб.* подохнуть [34. С. 701], тув. *тыны үзүл* = ‘умереть’ (букв.: тын его оборваться) ‘умирать’; ср. каз. *жаны үзіл* = (букв.: жан его оборваться) ‘умереть’; башк. *йәнде өз* = (букв.: йән оборвать) ‘убить’ [33. С. 251]; алт. *тынын кый* = (букв.: тын его обрезать) ‘убить’; хак. *тын хый* = (тын обрезать) ‘убить’ и др.

Примеры: алт. *Кызарып агар каны јок, кыйылып өлөр тыны јок* (фольк.) ‘Нет у него крови, которая бы текла краснея, нет у него души-тын, которая бы, прервавшись умерла’; хак. ...*Хуу Пүүр чабал аттырыбысхан, / Тик тее тыны үзіл парған* (АХ, 102) ‘У Белесого Волка, уже смертельно раненного, / Душа-тын (дыхание) и без того оборвалась’; тув. *Шет кеспес – чаитың тыны үстүр джжир* (МК-Л, Б) ‘Нельзя срезать молодое хвойное дерево – душа (жизнь) ребенка прервется, говорят’.

Это подчеркивается существованием в алтайском, хакасском языках эпитета *тын* алт. *кыл* ‘волос’, хак. *чипче* ‘с нитку’: алт. *Кыл тынымды кыйбагар* (букв.: волосяную душу=мою не перерезайте) ‘Не лишайте меня жизни’; хак. *Чипче тыны халтыр, чибекче сыны халтыр* (букв.: С нитку душа=его осталась, с шелковинку рост (стан)=его остался) ‘Он сильно похудел’ [39. С. 218]; ср. кирг. *кылча жан* ‘жан с волос’; ср. также монг. *утсан амь* (букв.: волокно жизнь (дыхание)) ‘жизнь’ [35. С. 95].

Отличительной чертой употребления *тын*, по сравнению с другими обозначениями «душ», является наличие устойчивых эпитетов. Кроме вышеприведенных, частым эпитетом *тын* выступает *кызыл* ‘красный’: алт. *Бот эмди сенин кызыл тынын кыйарга улустар жеткилеп келгенин билерин бе?* (КТ, КЖ, 237) ‘Вот знаешь, что сейчас люди пришли, чтобы прикончить тебя (букв.: перерезать **красную душу=твою**)?’; тув. *Кым деп экер үрен келгеш, / Кызыл тыным камгалады...* (ВС, СЧТ) ‘Что за добрый молодец пришел / **Красную душу мою спас...**’. Представление о душе как о красной нити встречается также у западных аларских бурят [40. С. 50].

В алтайском героическом эпосе эпитетом *алтын* ‘золотой’ подчеркивается драгоценность души, жизни:

<i>Эр бүткен Сокор-Каранын</i>	Мужчиной созданного Сокор-Кара
<i>Эне берген алтын тынын</i>	Золотую душу , матерью данную,
<i>Луу тужында үзе согуп,</i>	Во время войны оборвав,
<i>Эрлик уурдап апарган эмтир</i>	Эрлик украв, увел, оказывается

(АБ, Т7, 217)

Термин алт., хак. *сүне* ~ тув. *сүнезин* встречается в сибирских тюркских языках и в монгольских языках и имеет монгольское происхождение: алт. *сүне* ‘душа человека, призрак (умершего человека)’ [41. С. 617], хак. *сүне* ‘душа человека (отделившаяся от тела после смерти); призрак умершего человека’; тув. *сүнезин* ‘бессмертное начало живого существа, его душа, которое остается даже после смерти’ [42. С. 764]; тоф. *сүнэ* ‘душа’ [43. С. 372]; тоф. *сүнэсин* [тоф. *сүнэсини*] *устар. рел.* душа, дух (человека); ср. *сүлдэсин* [Там же]; *сүлдэсин* [сүлдэсини] дух (человека); душа); монг. *сүнс(эн)* 1) душа, дух; 2) сущность, истинный смысл [31. С. 143].

Примеры: алт. *Эмди, айса болзо, олор экүнинг сүнелери... Туку тежериде, көк-айста...* (Д. Каинчин) ‘Теперь, может быть, **их души...** Вон на небе, во вселенной...’ [41. С. 617]; хак. *кизи сүнези чөрче ‘душа (призрак) человека бродит’* [34. С. 530]. По воззрениям тувинцев *сүнезин* может быть у людей, животных и растений. *Сүне* ~ *сүнезин* может покинуть человека и при жизни: алт. *сүнези чыгып калган ‘сүне вышла’*, и если ее не вернуть, человек тяжело заболевает или внезапно умрет. Тувинцы после внезапной кончины человека говорят, что в последнее время он изменился, и это свидетельствует о том, что его души уже не было на месте: *сүнезинин апарган ‘сүнезин его унесли’*.

Относительно этимологии лексемы алт. *јула* ~ хак. *чула* Н.А. Баскаков и Н.А. Яимова высказали предположение, что она «может быть связана с общетюркским глаголом *jul-* – “вырывать, выдергивать, спасать, освобождать” или с монгольским *julex-* – “переливать”» [14. С. 11]. Мы считаем более вероятным монгольское происхождение этого слова, так как за пределами Сибири оно не встречается. Авторы моно-

графии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» соотносят представление о *жула* ~ *чула* со светильником: «Образ “души” – светильника / светоча / свечи был одной из составляющих мифопоэтической концепции человека у тюрков Южной Сибири» [9. С. 98]. Они приводят алтайскую «легенду, в которой “душа” выходит из человека в виде двух маленьких свечек» [14. С. 11]. Можно предположить связь *жула* ~ *чула* с древнетюркским (древнеуйгурским) *jula* ‘факел, светильник’ и монгольским *зул* ‘лампадка, жировая лампа’; ср. тув. *чула* ‘лампада’ [44. С. 919].

Фразеологизмов со словами *сүне* ~ *сүнезин* и *жула* ~ *чула* не обнаружено.

Понятие «душа» в переводной христианской литературе южносибирских тюрков. В христианстве понятие душа является одним из главных. Согласно Библии, человек состоит из души и тела. После смерти тела человека душа продолжает свое существование, и ее дальнейшая судьба определяется Богом. Несмотря на отсутствие единого понятия души в традиционном мировоззрении южносибирских тюрков и на непохожесть их на представление о душе в христианстве, при переводе религиозных текстов миссионеры используют традиционные названия «душ».

Анализ христианских переводных текстов на материале трех рассматриваемых языков показал разное использование в каждом конкретном языке традиционных терминов. В таблице показаны разные варианты для передачи понятия «душа» в последних по времени переводах «Евангелия от Матфея» на алтайский, тувинский и хакасский языки. Все три языка сближаются по употреблению лексемы со значением ‘жизнь’: алт. *жүрүм*, тув. *амыдырал*, хак. *чуртас*, а также одного из традиционных названий: алт., хак. *тын*, тув. *амы-тын*. Различаются использованием алт. *жула*, тув. *сеткил* и хак. *хут*.

Перевод понятия «душа» в «Евангелие от Матфея» на южносибирских тюркских языках

Русский текст	Алтайский	Тувинский	Хакасский
Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело – одежды?	<i>Онын учун айдып турум слерге: жүрүми-герди кичееп, нени жириис, нени ичерис, эди-каныгарды кичееп, нени кийерис де-бегер. Курсак жүрүмнен баалу болгон бо, кеп эт-каннан баалу болгон бо?</i> (ЖК, 2017. С. 34–35)	<i>Ынчангаи силерге чугаалап тур мен: амыдыраар дize – чүну ижер-чирил деп; мага-бодуңарга – чүну кедерил деп са-гыш човаваңар. Амы-дырал чүгле аыи-чемден хамаарышпас, а мага-боттуң чаагай чоруу чүгле хептен хамаарышпас</i> (ЫБ, 2011. С. 1335–1336)	<i>Аннаңар тіпчем сірерге: чиңең-ісчең нимедеңер, кисчең кип-азахтаңар сагыс-сырабаңар. Сірерниң чуртазыңар ас-тамахтаң артых нимес не зе, идиңер, тізең, – кит-азахтаң</i> (НМ, 2011. С. 39–35)

Русский текст	Алтайский	Тувинский	Хакасский
И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне	<i>Кижининг эди-канын өлтүрүп, жулазын десе өлтүрүп болбос улустаң коркыбагар. Кижининг эди-канын да, жулазын да та-амыда өлтүрер аргалудан коркыгар</i> (ЖК, 2017. С. 52–53)	<i>Кижилерден корт-паңар: олар мага-ботту өлүрзе-даа, сеткилицерни өлүрүп шыдаас. Сеткилицерни-даа, мага-бодуңарны-даа тамыже киир октааш, узуткап шыдаар Бургандан коргуңар</i> (ЫБ, 2011. С. 1342)	<i>Сирени өдирчеткен, че худыңарны өдир полбинчатхан кизидең хорыкпаңар. Че кем сирерни дее, кдңиңерни дее кдйчеткен кдлде чох идер, Анзынаң тың хорыгыңар</i> (НМ, 2011. С. 58–59)
Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее.	<i>Тынын чеберлегени анызын өлтүрер; Мениң учуй тынын өлтүргени тынын аргалаир</i> (ЖК, 2017. С. 24)	<i>Бодунуң амы-тынын камгалап алыксаан кижжи амы-тынын ышкынып алыр. Ынчаарга амы-тынын Мен дээш ышкынар кижжи амы-тынын тып алыр</i> (ЫБ, 2011. С. 1342)	<i>Кем поэның тынын ал халарга күстенер, ол аны чидіерер, кем Миннең үчүн поэның тынын чидіерер, ол аны ал халар</i> (НМ, 2011. С. 58–59)
Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?	<i>Кижі јер үстүндегі не бардын ончозын табала, сүнезііне јаман етсе, аа не туза болор? Кижі боінын сүнезіініг учун не толу берер?</i> (ЖК, 2017. С. 41)	<i>Бүгү делегейни холунга кирип-даа алгаи, амы-тынын оскунар болза, ооң ол кижиге ажыы чул? Амы-тынын дедир эгидер дээш, ол кижжи чүнүңбиле төлээрл?</i> (ЫБ, 2011. С. 1354)	<i>Кізее, прай чир үстүн холга алып алып, че поэның тынын чох ит салза, туза полар ни? Кизи, поэның тынын хатап алып алар үчүн, ниме тир полар?</i> (НМ, 2011. С. 92–93)

В тувинском переводе Библии «Ыдыктыг Библия» 2011 г. для понятия души живого человека использована *амы-тын* ‘жизнь (физиологическое существование человека)’, иногда значение понятие душа в переводе заменяется *амыдырал* ‘жизнь (существование, бытие)’. Для понятия души-призрака использовано парное слово *хей-сүнезин*, состоящее из *хей* ‘газ, воздух’ и *сүнезин* ‘душа’ в религиозном понимании. Слово *хей-сүнезин* является искусственным образованием, скорее всего, оно представляет собой переводческий прием или словотворчество, чтобы избежать коннотации *сүнезин* как души, связанной с традиционным верованием (шаманизмом). Лексема *сүнезин* является также компонентом таких новых образований в переводных текстах, как *каржы сүнезин* ‘злой дух’ (в то время как традиционные наименования злых духов – *аза* и *четкер*) и *сүлде-сүнезин* ‘дух’.

Н.О. Тадышева в результате анализа ранних миссионерских и современных переводов религиозных текстов приходит к выводу, что в текстах XIX в. при переводе понятия «душа» использовались широко

распространенные среди алтайцев термины *тын* «как о состоянии души живого человека» и *сүйне* «как о посмертном ее состоянии». В современных текстах для обозначения души живого человека также употреблено слово *тын*, а души мертвого человека – неоднозначное слово *јула* [45].

Лексемы, соотносимые с русским понятием «душа» как средоточие внутреннего мира человека. В русской языковой картине мира душа «отождествляется с личностью человека, с его внутренним «я», его сущностью... Это самое ценное, что есть у человека, причем как с точки зрения “наивной анатомии”, так и с точки зрения этики» [15. С. 22].

В тюркских языках Сибири традиционные названия душ в силу своей специфики не используются для описания эмоциональной жизни человека, его внутреннего мира. С эмоциональной сферой связаны иные элементы «наивной анатомии» человека. При этом репрезентирующие их лексемы в качестве основного имеют, как правило, другое значение, относящееся к интеллекту, желаниям и физиологии человека, в отличие от русского языка, где *душа* не связана «непосредственно ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта» [Там же]. Исключение составляет иранское заимствование в хакасском языке **чан**, для которого значение ‘душа’ является основным. Его употребление в этом отношении близко к аналогичному заимствованию в несибирских тюркских языках, где оно получило широкое распространение (каз., кирг. *жан*, башк. *йән*, тур. *can*). Кроме того, для этого слова характерно использование в функции обращения, в которой не встречается ни одна из рассматриваемых нами лексем: *чан* 1) душа, дух; 2) форма обращения *чаным* ‘душа моя’: *Хыйганың хылыгы амыр, чаны чохтың сагызы чабал. посл.* ‘У умного характер покладистый, у **бездушного** (человека) мысли дурные’; *о, чаным, Чанар Хус фольк.* ‘о, душа моя, Чанар Хус’ [34. С. 938]. Лексема *чан* встречается в основном в художественной литературе и фольклоре, чаще всего как компонент устойчивых сочетаний, например: *чанына чит*= (букв.: до души добратся), *чанына кір*= (букв.: в душу=его входить) ‘мотать кому-л. душу’; *чанын чарыт*= (букв.: освещать душу) ‘вдохновлять’.

Остальные наименования в сибирских тюркских языках, которые соотносятся с русским понятием *душа* как «средоточие внутреннего мира человека», условно можно разделить на три группы: 1) лексемы, основное значение которых ‘ум’, ‘мысль’; 2) слова с основным значением ‘желание’, ‘настроение’; 3) лексемы, общее значение которых можно обозначить как ‘нутро’ (область, которая находится внутри). В рассматриваемых языках наблюдаются как сходства, так и различия в их употреблении.

1. Лексемы, первое значение которых ‘мысль’, ‘желание’. Лексемы этой группы представлены в основном в тувинском языке.

Тув. *сагыш* 1) память, сохранение в сознании происходящего, ум; 2) настроение, душевное состояние; 3) желание; мечта; 4) нечто кажущееся, воображаемое, греза; 5) намерение, умысел [42. С. 606]; кроме того, при описании внутреннего эмоционального состояния человека это слово употребляется в значении ‘душа’: *Сени дээш сагыжым аарып чор, сеңээ кандыг-даа дузаны чедиреринге белен мен* (К-ЭК, ББ) ‘За тебя у меня душа болит (букв.: душа=моя болит), я готова оказать тебе любую помощь’; *Соктаяк шинелин ужулгаи, чүгк кырынга чыып кааи, сагыш амыр улуг тынган* (ЛЧ, И) ‘Соктаяк, сняв шинель, собрав (ее) на вьюке, со спокойной душой (букв.: душа спокойна) глубоко вздохнул’.

Слово *saqıǵ* ‘счет, число; счисление’ зафиксировано в древнетюркских памятниках. Оно присутствует и в алтайском и в хакасском языках: алт. *сагыш* 1) ум; 2) мысль; 3) память [41. С. 558]; хак. *сагыс* 1) ум, рассудок; память; 2) мысль, дума; 3) мысль, намерение, замысел; 4) забота, беспокойство; 5) тоска [34. С. 428]. Но в значении ‘душа’ в этих языках *сагыш* ~ *сагыс* не употребляется или встречается крайне редко, в основном во фразеологических единицах, характеризующих человека и его эмоциональное состояние: алт. *сагыжы жарыган* (букв.: мысли=его посветлели / душа=его, на душе=его посветлело) ‘почувствовал облегчение’ [46. С. 230]; хак. *азых сагыстыг* (букв.: с открытыми мыслями (с открытой душой)) ‘душа нараспашку, с открытой душой’ (о человеке). Среди фразеологизмов с этим компонентом выявляются параллели в трех рассматриваемых языках: алт. *ак сагышту* (букв.: с белой мыслью) ‘доброжелательный’ (о человеке) [Там же. С. 31]; *кара сагышту* (букв.: с черной мыслью) ‘недоброжелательный’ (о человеке) [Там же. С. 128]; *ах сагыстыг* (букв.: с белой мыслью) ‘добрая душа, доброжелательный’ (о человеке); *хара сагыстыг* (букв.: с черными мыслями) ‘черная душа, зложелательный’ (о человеке); тув. *ак сагыштыг* (букв.: с белым умыслом / с белой душой) ‘доброжелательный, отзывчивый’. Следует отметить, что *сагыш* ~ *сагыс* встречаются во фразеологизмах, обозначающих страх; при этом структура и семантика таких сочетаний идентичны структуре и семантике фразеологизмов с компонентом *кут*: алт. *сагыжы чык*= (ум его выйти) ‘испугаться’ [42. С. 224]; хак. *сагыс сых*= (ум выйти) 1) утрачивать способность соображать; 2) сильно перепугаться [34. С. 428].

Тув. *сеткил* 1) мысль, дума; 2) чувство, душа < монг. *сэтгэл* 1) мысль, дума, размышление; мнение; настроение; намерение, склонность, влечение; 2) сердце; душа; психика: *А ам хүлүмзүрүг долган шырайны көргөш, харын-даа сеткилиниң ханызындан өөрүй берген* (ЗБ, С) ‘А сейчас, увидев, улыбающееся лицо, даже обрадовалась от всей души (букв.: из глубины души)’; *...сөөлгү өйдө Намгайның сеткили чырып, ишти-баары куюмзуп турар апарган* (СТ, ЧО) ‘... в последнее

время у Намгая в душе посветлело (букв.: душа=его посветлела), внутри его стало беспокойно’.

В алтайском и хакасском языках эта лексема отсутствует.

Парное слово *сагыш-сеткил* 1) мысль, дума; 2) дух, настроение; кроме того, употребляется в значении ‘душа, внутренний мир’: ...ону кижиниң эң-не хайыралыг ыдыктарының бирээзи кылдыр *сагыш-сеткилинге* арттырып ап, аажок хүндүлөп, шыдавыже ооң чамдык сагылдарын бодунуу-биле күүседип-даа чораан (ШК, Б) ‘...храня его (веру) в душе как одного из драгоценных святых, чтил, как мог по-своему даже соблюдал некоторые его обеты’; *Ооң сагыш-сеткили ырлап чораан* (К-ЭК, Д) ‘Его душа пела (букв.: душа=его пела)’; *Ооң чүлдү-чүрээ, сеткил-сагыжы* Агылыгда чыдып калган ышкаш болган. Көскү-хөрөөн сактырга, ишти куруг, хос аптара-ла (К-ЭК, ЫБ) ‘Его сердце, душа будто остались в Агылыг. Казалось, в груди пусто, будто пустой сундук’. Как видно из примеров, данные лексемы, даже в значении ‘душа’ сохраняют связь с интеллектуальной деятельностью человека.

Место расположения *сагыш-сеткил*, по-видимому, – грудная клетка. Грудная клетка, как и *сагыш*, является местом хранения мыслей в представлениях тувинцев: *Хөрээмде (сагыжымда) бодалдарымны шыгжап чор мен* ‘В груди моей (в душе моей) мысли мои храню’. Само слово с основным значением ‘грудь’ (*көгүс*) в алтайском языке также может сближаться с понятием ‘душа’: ...Алтай жоннын канча-канча үйеге энчилеп артырып келген *көгүс* байлыгы алтай сөскө салынган (JM, JJ, 175) ‘В алтайское слово вложено передаваемое из поколения в поколение духовное богатство алтайского народа’; *Көп билердин көкси бийик, Ас билердин бажы бийик* ‘Кто много знает, у того душа высоко, Кто мало знает, у того голова высоко’ (НО, АПП, 64–65).

2. Лексемы, первое значение которых ‘желание’. *Күүн ~ көңнү ~ хөңнү*. В древнетюркских памятниках зафиксировано слово *көңүл* в значениях 1) сердце; 2) желание; 3) чувство; 4) мысль. В этих значениях оно сохранилось в современных тюркских языках. В «Алтайско-русском словаре» приводятся следующие значения *күүн*: 1) желание, охота; 2) чувство, влечение [41. С. 425], но это слово употребляется также в значениях ‘настроение’ и ‘душа’. Последнее происходит, вероятно, от значения ‘сердце’ (как средоточие внутренней эмоциональной жизни человека), отмеченного в текстах древнетюркской письменности и в современных тюркских языках, например в казахском и киргизском, где *көңіл ~ көңүл* ‘душа’: др.-т. *söz көңүлкә сиңди* ‘слово дошло до сердца (букв.: впиталось в сердце)’; *el күnlärniң көңүллäridä көр telim boldi qajıı* ‘в сердцах людей стало много печали’ [30. С. 315].

Примеры показывают достаточно широкую сочетаемость алтайской лексемы *күүн* в значении ‘душа’: *Күүнзектин күүни жыланаш* (НО,

АПП, 24–25) ‘У доброго **душа** обнаженная’; *Ару күүним сатпазым* (JM, JJ, 13) ‘Чистую **душу** свою не продам’; *Сүүш кижинин күүн кучин де, иштеер кучин де коркышту алып јат* (JM, JJ, 118) ‘Любовь забирает у человека много и душевных сил, и физических сил’.

Хак. *көңні* 1) желание, стремление, воля; 2) настроение; 3) душа, сердце: *көңніне кір* = (букв.: **в душу** входит) ‘понравиться’; *көңнім чатпинча* (букв.: **душа**=моя не лежит) ‘мне не нравится, мне не по душе’. Последний пример, вероятно, является калькой с русского *душа не лежит*. *Ол ибiре турган агастарның сiлиш аның көңнiн чазап полбааннар* (ИК, ЧХ, 51) ‘Красота вокруг стоящих деревьев не смогла успокоить ее **душу**’; – *Көңнiңер нiме таллап алды? – айланган ол кiзi, ах чызынчахты иңнiнең арта тастап салып* (ИК, ЧХ, 70). ‘– Что [вы] выбрали (букв.: ваша **душа** что выбрала)? – обратился тот человек, набросив через плечо белую салфетку’.

В тувинском языке основное значение слова *хөңнү* (*хөөн*) ‘настроение’, но оно употребляется также в значении ‘душа’: *Мээң хөңнүм билир кижии чүгле сен сен* (ВС, СЧТ) ‘Только ты знаешь мою **душу** (то, что у меня в душе)’; *Кара бөрт барда, ажырбас оң деп, хөңнүмнү чазамыктап хунзедим* (К-ЭК, ТК) ‘Если есть черная шапка, то еще ничего, – так утешая свою **душу**, я провел весь день’.

3. Лексемы, обозначающие нутро, внутренность человека.

В тюркских языках эти лексемы передают также вместилище внутренней жизни человека во всех рассматриваемых языках. Это слова с такими основными значениями, как ‘нутро, внутренность’, ‘живот’, ‘желудок’.

Во всех рассматриваемых тюркских языках как понятие, соотносимое с русским словом *душа* в значении ‘средоточие внутренней жизни человека’, выступают лексемы *ич*, *істі*, *ижин*:

алт. *ич* 1) живот, нутро; 2) нутро, внутренность, внутренняя часть чего-л.; 3) изнанка, подкладка [41. С. 238]; хак. *істі* ‘внутренность’ [34. С. 146]; тув. *ижин* 1) живот; 2) желудок; 3) внутренности; десятым значением приводится ‘мысль, душа’ [47. С. 580]; алт. *Онын јүрген јүрүмин көргөмдө, менин ичим ачыл јат* (ЛК, ЛП, 172) ‘Когда смотрю на его жизнь, у меня душа болит (букв.: нутро=мое болит)’; *Алла сүрекей јакшы бала, је онын кылык-јангында та не де менин ичиме кирбей јат* (ЛК, ЛП, 67) ‘Алла очень красивая девочка, но в ее характере мне что-то не нравится (букв.: в мое **нутро** не входит)’;

хак. *Істіне, көксiне өрiнiс тол парган, улуг тынып, өрчiлiг ле узубысхан* (ИК, ЧХ, 10). ‘Ее **нутро**, **грудь** наполнила радость, глубоко вздохнув, она радостно уснула’. В этом примере два слова, близкие по употреблению к слову *душа* – *істі* ‘нутро’, *көгiс* ‘грудь’.

В тувинском языке *ишти* в большинстве случаев понимается как некое потаенное, сокровенное внутреннее ментальное и эмоциональное пространство человека (на русский язык можно перевести как *про себя*

или в душе): ...*Оозу-биле кижн ышкаш чугаалажыр боорга, иштимде бүдүү чаптап, өскээр көрнүп алгаи бүдүүлөп шаамга киш каттырып чор мен* (К-ЭК, ТК) '...Из-за того, что он разговаривал с ним, как с человеком, я тайно в душе (про себя) умиляясь, отвернувшись, скрывая, смеялся что есть мочи'; ...*Чараштаа иштинде чалбарааш, элээн билдинип келген иштиниң кырынга холун салган* (ШК, Б) 'Чараштаа, помолвившись в душе, положила руку на проявившийся живот'. В последнем примере слово *ишти* употребляется как в переносном, так и в прямом значении 'живот'.

Алт. *өзөк*. Общетюркская лексема *özök* ~ *özök* и однокоренная ей *öz* отмечена в древнетюркских памятниках: др.-т. *öz* 'сердцевина, нутро' [30. С. 395]. В «Алтайско-русском словаре» выделяются следующие значения этого слова: 1) нутро, утроба, живот, чрево; 2) *перен.* нутро; 3) *прям. и перен.* сердцевина, ядро; 4) *перен.* глубь, глубина; 5) центр, середина; 6) основа юрты [41. С. 516]. По употреблению алт. *өзөк* частично совпадает со словом *душа* в русском языке. *Өзөк* выступает как эмоциональный центр: *Өрөкөнниң өзөгине Сөстин улу учуры өтпөйтүр...* (ЖМ, JJ, 11) 'Смысл слов не проник в душу старика (не тронул ее)'; *Түней ле билезине јана берер деп санаа өзөгимди өртөп јат* (ЖМ, JJ, 130) 'Мысль о том, что он все равно вернется в свою семью, сжигает мою душу'; как духовная основа, стержень человека (ср. во многих тюркских языках *öz* 'сам', например, хак. саг. *ös*): ...*Бойы бичикке үренеле, бичик билбес ас јонын билерге, албатынын өзөгин билерге деремнелер сайын, турлулар сайын јүрген* (ЖМ, JJ, 161) 'Сам научившись грамоте, чтобы понять свой неграмотный маленький народ, чтобы понять душу народа, ездил по деревням и стоянкам'; *Олор бойынын јерине канча-канча үйеге тазылданып өзөлө, бир өзөктү албаты болуп бүдүп калган* (ЖМ, JJ, 170) 'Они из поколения в поколение пуская корни и вырастая на своей земле, сформировались единым (букв.: с одним нутром) народом'.

В тувинском языке данная лексема не используется в значении 'душа': *өзек* 1) сердцевина; 2) *мед.* стержень; 3) ось, стержень; 4) центр, ядро; 5) фитиль [48. С. 333].

Важными центрами эмоциональной жизни человека в языковой картине мира тюркских народов Сибири являются также *буур* ~ *баар* ~ *паар* 'печень' и *јүрек* ~ *чүрек* ~ *чүрек* 'сердце'. Печень чаще всего выступает как средоточие добрых чувств, в представлениях данных языковых коллективов он связывается с родством, детьми. На русский язык это слово в некоторых контекстах можно перевести как 'душа'. Например: хак. *Харындас паары хатпаан, хадох полып одырааңар, туган паары тунмаан, хадох полып одырааңар* (ВШ, ЧС, 23) 'У брата душа не зачерствела (букв.: печень не затвердела), давайте вместе же посидим, душа (букв.: печень) родственника не оглохла, давайте же

вместе побудем»; Пала *naарга* ла тох полчаң (ВШ, ЧС, 38) 'Ребенок только для души (букв.: насыщает только печень)'. Однако мы считаем, что лексема 'печень', имеющая специфическую семантику в рассматриваемых языках, и 'сердце' не являются аналогами русского слова 'душа', поэтому в данной статье мы их не рассматриваем.

Заключение

Таким образом, традиционные названия душ встречаются в основном в фольклоре (*тын, кут ~ хут, чула*), в определенном контексте, связанном с традиционными верованиями; некоторые из них вошли в состав фразеологизмов (*тын, кут ~ хут*). Названия «душ», связанные с шаманизмом, были использованы также в переводных христианских текстах на алтайском и хакасском языках (*тын, кут ~ хут, жула, сүне*). В современном тувинском языке монгольское заимствование *сеткил* заняло центральное место как обозначение понятия 'душа' и в христианских текстах, и при описании психической деятельности человека.

В картине мира тюркских этносов Южной Сибири выявляются центры внутренней жизни человека, интеллектуальной, эмоциональной, в некотором отношении их можно соотнести с русским понятием *душа*. В то же время прослеживается связь душевного состояния с ментальной сферой, что не так ярко выражено в тюркских языках за пределами Сибири. Особенно отчетливо это проявляется в тувинском, испытывавшем монгольское влияние в большей степени, чем другие исследуемые языки. Хотя *сагыш* является тюркским словом, оно, как и *сеткил*, предстает как центр неразрывного единства комплекса «когнитивных способностей человека, охватывая такие виды его деятельности, как интеллектуальный, психический, включая свойство его нервной системы – память» [45. С. 83]. Это характерная особенность монгольской языковой картины мира. Н.Б. Бадмацыренова отмечает, что «у монголов внешнее проявление чувств не приветствуется, поэтому концепт *сэтгэл* чрезвычайно важен как некий скрытый резервуар чувств и переживаний, часто не обнаруживаемых посторонним взглядом» [25. С. 86]. Можно сказать, что, скорее всего, в тюркских языках Сибири это именно монгольское влияние.

В отличие от русского понятия «душа», совмещающего в себе обширный спектр смыслов, в картине мире сибирских тюрков существует множество субстанций, связанных с различными проявлениями человеческой природы. Часть из них связана с физической сферой (отражением ее являются названия «душ», относящиеся к традиционным верованиям), а часть – с ментальной и психической деятельностью человека. Последнюю часто репрезентируют также такие соматические термины, как живот, сердце, печень.

Литература

1. Шмелёв А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 133–152.
2. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л. : Наука, 1975. 164 с.
3. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 321 с.
4. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1992. 242 с.
5. Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. Горно-Алтайск, 2004. 166 с.
6. Муйтуева В.А. Духовные субстанции в традиционной религии алтайцев // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации. 2006. № 119. С. 5–22.
7. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893. 270 с.
8. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924. 152 с.
9. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск : Наука, 1989. 242 с.
10. Шатинова Н.И. «Мир невидимых» по традиционным представлениям алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. 1983. С. 149–161.
11. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996. 221 с.
12. Анжиганова Л.В. Традиционное мировоззрение хакасов: опыт реконструкции. Абакан : Роса, 1997. 128 с.
13. Буриakov В.А. Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 208 с.
14. Баскаков Н.А., Яимова Н.А. Шаманские мистерии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. 123 с.
15. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003. 217 с.
16. Первозникова А.К. Концепт душа в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 19 с.
17. Кондратьева О.Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов душа, сердце, ум) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2004. 28 с.
18. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении). Уфа, 2016. 164 с.
19. Арчимеева М.Ю. Концепты «жизнь», «смерть», «душа» в традиционном мировоззрении хакасов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (9), ч. III. С. 13–17.
20. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский языкозна. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006. 910 с.
21. Голикова Т.А. Алтайские традиционные представления о смерти и потустороннем мире [фразеологизмы] // Человек говорящий и пишущий : материалы IV Междунар. Березинских чтений. М., 2008. С. 15–24.
22. Ондар Ч.Ч. Имена прилагательные, обозначающие душевные качества, в тувинском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 14. С. 53–59.
23. Тюттешева Е.В. Человек в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск, 2006. 225 с.

24. **Пюрбеев Г.Ц., Турдуматова Э.Б.** Концепт «душа» в языковом сознании русских и калмыков // Гуманитарные исследования. 2010. № 4 (36). С. 125–130.
25. **Бадмацыренова Н.Б.** Концепт «душа» в монгольской языковой картине мира // Санжеевские чтения-7 : материалы Всерос. науч. конф. (с участием зарубежных ученых), посвящ. 110-летию проф. Г.Д. Санжеева. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 34–36.
26. **Бадмаева Л.Д.** Элементы категоризации интеллектуальной сферы в бурятском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67), ч. 2. С. 79–83.
27. **Сундуева Е.В.** Внутренняя форма лексемы *sedkil* 'душа' в монгольских языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 83–89.
28. **Большой академический монгольско-русский словарь** / под ред. Г.Ц. Пюрбеева. Т. 4: Х–Я. М. : Academia, 2002. 532 с.
29. **Этимологический словарь тюркских языков.** Общетюркские и межтюркские основы на букву 'К'. М. : Наука, 2000. 476 с.
30. **Древнетюркский словарь** / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л. : Наука, 1969. 676 с.
31. **Большой академический монгольско-русский словарь** / под ред. Г.Ц. Пюрбеева. Т. 3: Ө–Ф. М. : Academia, 2001. 440 с.
32. **Казахско-русский словарь.** Алматы, 2008. 962 с.
33. **Башкирско-русский словарь** / под ред. З.Г. Ураксина. М. : Дигора; Рус. яз., 1996. 884 с.
34. **Хакасско-русский словарь** / под ред. О.В. Субраковой. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
35. **Большой академический монгольско-русский словарь** / под ред. Г.Ц. Пюрбеева. Т. 1: А–Г. М. : Academia, 2001. 520 с.
36. **Этимологический словарь татарского языка** / сост. Р.Г. Ахметьянова. Казань : Магариф-Вақыт, 2015. Т. 2. 567 с.
37. **Пекарский Э.К.** Словарь якутского языка. М. : АН СССР, 1959. Т. 3. 705 с.
38. **Словарь башкирской мифологии** / сост. Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 420 с.
39. **Хакасско-русский историко-этнографический словарь** / сост. В.Я. Бутанаев. Абакан, 1999. 240 с.
40. **Дампилова Л.С., Цыбикова Б.-Х.Б.** Обряд замещения души в шаманской практике бурят // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 49–57.
41. **Алтайско-русский словарь** / под ред. А.Э. Чумакаева. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
42. **Толковый словарь тувинского языка** / под ред. Д.А. Монгуша. Т. II: К–С. Новосибирск : Наука, 2011. 789 с.
43. **Тофаларско-русский словарь** / сост. В.И. Рассадин. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. 608 с.
44. **An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish** / G. Clauson. Oxford University Press, 1972. 1040 p.
45. **Тадышева Н.О.** Особенности перевода православных текстов на алтайский язык // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 333. С. 87–90.
46. **Алтайско-русский фразеологический словарь** / А.Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2005. 312 с.
47. **Толковый словарь тувинского языка** / под ред. Д.А. Монгуша. Т. I: А–Й. Новосибирск : Наука, 2003. 599 с.
48. **Тувинско-русский словарь** / под ред. Э.Р. Тенишева. М. : Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.

Список условных текстовых источников

по алтайскому языку

- АБ, Т7 – Алтай баатырлар. Горно-Алтайск, 1972. Т. 7. 240 с.
 JK – Яны Кереес. Новый Завет. М. : Институт перевода Библии, 2017.
 JM, JJ – J. Маскина. Jүрүмнин журуктары. Горно-Алтайск, 2002.
 КТ, КJ – К. Төлсөв. Кадын жаскыда. Горно-Алтайск, 1985.
 ЛK, JП – J. Кокышев. Jүс письмо. Горно-Алтайск, 1990.
 НО, АПП – Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кеп ле укаа сөстөр) / сост. Н.Р. Ойноктинова. Новосибирск, 2010. 268 с.
 ТА – Т. Акулова. Ат устинде жүрүмис өткөн. Горно-Алтайск : ГУК Республики Алтай литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2009. 352 с.

по хакасскому языку

- АХ – Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин». Новосибирск : Наука, 1997. 479 с.
 ВШ, ЧС – В.Г. Шульбаева. Чургас салгагында. Абакан, 1997. 288 с.
 ИК, ЧХ – И.М. Костяков. Чибек хур. Абакан, 1989. 232 с.
 КНХ – Класста нимес хыгырыг. Внеклассное чтение: 5 класс / сост. Е.М. Сагалакова, Г.А. Казагашева. Абакан : Хакаское книж. изд-во, 1995. 265 с.
 НМ – Наа Молчаг хакас тилбестегнең орыс Синод тилбестее. Новый Завет на хакасском языке с параллельным русским Синодальным переводом. М. : Ин-т перевода Библии, 2011. 1138 с.

по тувинскому языку

- ЧИ, НТ – Чечен Ирбжей. Ноян таңмазы. Кызыл : ТывНУЧ, 2008. 184 ар.
 МК-Л, Б – Монгуш Кенин-Лопсан. Буян-Бадыргы. Кызыл : ТывНУЧ, 2000. 542 ар.
 ВС, СЧТ – Владимир Серен-оол. Сөөскеннер чечектелип турда. Кызыл : ТывНУЧ, 1995. 240 ар.
 К-ЭК, ЫБ – Кызыл-Эник Кудажы. Ыржым булун. Кызыл : ТывНУЧ, 1965. 169 ар.
 К-ЭК, Д – Кызыл-Эник Кудажы. Дуңзаа. Кызыл : ТывНУЧ, 1988. 319 ар.
 К-ЭК, ТК – Кызыл-Эник Кудажы. Танды кежи. Кызыл : ТывНУЧ, 1984. 217 ар.
 ЛЧ, И – Леонид Чадамба. Ивижилер. Кызыл : ТывНУЧ, 1972. 224 ар.
 ЗБ, С – Зоя Байсалова. Сурас. Кызыл : ТывНУЧ, 1997. 158 ар.
 СТ, ЧО – Салчак Тока. Чоннуң оглу. Кызыл : ТывНУЧ, 1970. 312 ар.
 ШК, Б – Шомаадыр Куулар. Баглааш. Кызыл : ТывНУЧ, 2010. 640 ар.
 СС, АУ – Светлана Сеглеңмей. Аңчы угбалышкы. Кызыл : ТывНУЧ, 1988. 80 ар.
 МК, И – Мария Кужугет. Идегел. Кызыл : ТывНУЧ, 2005. 96 ар.
 ВХ, ЧА – Василий Хомушку. Черим арны. Кызыл : ТывНУЧ, 2000. 62 ар.
 ВК, ЧЧ – Виктор Көк-оол. Чогаалдар чыындызы. Кызыл : ТывНУЧ, 1976. 184 ар.
 ЫБ – Ыдыктыг Библия. М. : Ин-т перевода Библии, 2011.

Список условных обозначений

алт. – алтайский язык; **башк.** – башкирский язык; **др.-т.** – язык древнетюркских памятников; **каз.** – казахский язык; **кирг.** – киргизский язык; **ккал.** – каракалпакский язык; **кум.** – кумыкский язык; **маньчж.** – маньчжурский язык; **монг.** – монгольский язык; **ног.** – ногайский язык; **перс.** – персидский язык; **сиб. тат.** – язык сибирских татар; **тат.** – татарский язык; **тоф.** – тофаларский язык; **тув.** – тувинский язык; **тунг.** – тунгусские языки; **уйг.** – уйгурский язык; **хак.** – хакасский язык; **чалк.** – чалканский; **чув.** – чувашский язык; **шор.** – шорский язык; **як.** – якутский язык.

Сведения об авторах:

Тюнтешева Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: tyunteshevae@mail.ru

Озонова Айяна Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: ajanao@mail.ru

Шагдурова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: kokoshnikova@mail.ru

Байыр-оол Азияна Витальевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: azikoa@mail.ru

Поступила в редакцию 27 октября 2020 г.

WORDS REPRESENTING THE CONCEPT OF ‘SOUL’ IN SOUTHERN SIBERIAN TURKIC LANGUAGES

Tunesia E.V., Ph.D. (Philology), Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: tyunteshvae@mail.ru

Ozonova A.A., Ph.D. (Philology), Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: ajanao@mail.ru

Shagdurova O.Yu., Ph.D. (Philology), Senior Researcher of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: kokoshnikova@mail.ru

Bayyr-ool A.V., Ph.D. (Philology), Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: azikoa@mail.ru

The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

DOI: 10.17223/19996195/52/6

Abstract. In the following article, we offer a comparative analysis of ‘soul’ nomination in Turkic languages of Siberia regarding their usage in folklore texts, translated Christian texts, and modern literary fiction. We also analyze the potential of translation of the Russian concept of ‘soul’ in various contexts in this languages; this is where the novelty of our research lies, as well as its relevance in the context of the new wave of literary translations. Unlike the Russian concept of ‘soul’, which encompasses a large number of meanings and ideas, in the world view of Siberian Turkic peoples, there are many substances related to various aspects of the human nature. Some of these are related to the physical world (they are reflected in the names of ‘souls’ rooted in traditional beliefs), and some are related to people’s mental and psychological activities. The latter are also frequently represented by somatic terms such as ‘stomach’, ‘heart’, ‘liver’. Our analysis shows that among all the terms denoting ‘souls’ in traditional beliefs, the following three are commonly used in the selected texts: *qut*, *süne* ~ *sünezin*, *tin*, and (less frequently) *d’ula* ~ *čula*. Traditional terms for ‘souls’ are mostly found in folklore (*tin*, *qut* ~ *xut*, *sus*, *d’ula* ~ *čula*) in specific contexts tied to traditional beliefs. Some terms are used as components of idioms, most of which have similar structures and semantics, and have correlations in other Turkic languages. Terms for ‘souls’ related to shamanism were also found in early and modern translations of Christian texts into Altai and Khakas (*tin*, *qut* ~ *xut*, *d’ula*, *süne*). In the modern Tuvan language, the Mongolian loanword *setkil* serves as the primary term for ‘soul’, including Christian texts and descriptions of one’s psychological life. Traditional nominations of souls, apart from the aforementioned *setkil* (Tuvan), are not used to describe emotions due to their specific traits. In modern literary fic-

tion, one's inner spiritual world is described by the means of other terms which may be defined as 'soul, one's spiritual world'. For these lexemes, the meaning of 'soul' is not the primary one. Their main meanings are related to human mind/intellect, desires, and physical body. The Khakas loanword *чан* is an exception, with 'soul' as its primary meaning, which is close to the similar loanword in non-Siberian Turkic languages, where it is widely used in the same meaning and also as a form of address. Other Siberian Turkic nominations which correlate with the Russian word *dusha* 'soul' as 'the center of one's inner world' may be divided into the following three groups: 1) Lexemes which mainly denote 'intelligence', 'thought': Tuvan *sagış* 'memory, mental preservation of events'; Tuvan *setkil* 'thought'; 2) Lexemes denoting 'desire', 'mood': Altai *küün* ~ Khakas *köñni* 'desire' ~ Tuvan *xöñnü* 'mood'; 3) Lexemes generally denoting 'visceras' (something inside one's body): Altai *ič* ~ Khakas *isti* ~ Tuvan *ižin* 'stomach, innards'; Altai *özök* 'stomach, innards'. In the Siberian Turkic language world image, *buur* ~ *baar* ~ *paar* 'liver' и *d'ürek* ~ *čürek* 'heart' are important locations of one's emotional processes. The liver is frequently viewed as the center of positive feelings, and in these languages, it is often related to kinship and children. In some contexts, it may be translated as 'soul' into Russian. Our study demonstrates a strong connection between one's emotional state and mental processes, particularly in Tuvan, which is less evident in non-Siberian Turkic languages. Perhaps it stems from the Mongolian influence, where the inseparable connection between a person's intellectual and psychological activities is a typical trait.

Keywords: Turkic languages of Siberia; traditional world view; spiritual terms; the concept of 'soul'; language world view; translated Christian texts.

References

1. Shmelev A.D. (2005) *Dukh, dusha i telo v svete dannyx russkogo yazyka* [The Spirit, the Soul, and the Body in the Russian Language] // A.A. Zaliznyak, I.B. Levontina, A.D. Shmelev. *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira* [Key Concepts of the Russian Language World View]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tyru, 2005. pp. 133–152.
2. D'yakonova V.P. (1975) *Pogrebal'nyj obryad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskij istochnik* [Tuvan Funeral Rites as Historical and Ethnographic Sources]. L.: Nauka.
3. Potapov L.P. (1991) *Altajskij shamanizm* [Altai Shamanism]. L.
4. Alekseev N.A. (1992) *Traditsionnye religioznye verovaniya tyurkoyazychnyx narodov Sibiri* [Traditional Religious Beliefs of Turkic Peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
5. Mujtueva V.A. (2004) *Traditsionnaya religiozno-mifologicheskaya kartina mira altajtsev* [Traditional Religious and Mythological Beliefs of the Altai]. Gorno-Altajsk.
6. Mujtueva V.A. (2006) *Dukhovnye substansii v traditsionnoj religii altajtsev* [Spiritual Substances in Traditional Altai Religions] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Byulleten' operativnoj nauchnoj informatsii* [Tomsk State University Bulletin. Bulletin of Relevant Academic Data]. № 119. pp. 5–22.
7. Verbitskij V.I. (1893) *Altajskie inorodtsy* [The Altai Foreigners]. M.
8. Anokhin A.V. (1924) *Materialy po shamanstvu u altajtsev*. [On Altai Shamanism]. L.
9. L'vova E.L., Oktyabr'skaya I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S. (1989) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoj Sibiri. Chelovek. Obschestvo* [Traditional Beliefs of Southern Siberian Turkic Peoples. Humans. Society]. Novosibirsk: Nauka.
10. Shatinova N.I. (1983) «Mir nevidimykh» po traditsionnym predstavleniyam altajtsev [The Invisible World in Traditional Altai Beliefs] // *Voprosy arkheologii i etnografii Gornogo Altaya* [Issues of Gorny Altai Archaeology and Ethnography]. pp. 149–161.
11. Butanaev V.Ya. (1996) *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov* [Traditional Khakas Culture and Lifestyle]. Abakan.
12. Anzhiganova L.V. (1997) *Traditsionnoe mirovozzrenie khakasov: opyt rekonstrukcii* [Traditional Khakas World View: A Reconstruction]. Abakan: Rosa.

13. Burnakov V.A. (2006) Dukhi srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [The Spirits of the Middle World in Traditional Khakas Beliefs]. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkhologii i etnografii SO RAN.
14. Baskakov N.A., Yaimova N.A. (1993) Shamanskii misterii Gornogo Altaya [Shamanic Mysteries of Gorny Altai]. Gorno-Altajsk.
15. Uryson Ye.V. (2003) Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira. Analogiya v semantike [Problems of Language World View Research. Analogies in Semantics]. M.
16. Perevoznikova A.K. [2002] Konsept dusha v russkoj yazykovoy kartine mira [The Concept of Soul in the Russian Language World View]. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. [Cand. phil. sci. syn. diss.]. M.
17. Kondrat'eva O.N. (2004) Konsepty vnutrennego mira cheloveka v russkikh letopisyakh (na primere konseptov dusha, serdtse, um) [Concepts of Inner World in Russian Chronicles (Soul, Heart, Mind)]. Avtoref. dis. d-ra. filol. nauk [D-r. phil. sci. syn. diss.]. Yekaterinburg.
18. Khisamitdinova F.G. (2016) Mifologicheskaya leksika bashkirskogo yazyka (v etnolingvističeskom osveschenii) [Bashkir Mythological Terms in the Ethnolinguistic Aspect]. Ufa.
19. Archimayeva M.Yu. (2011) Konsepty «zhizn'», «smert'», «dusha» v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [The Concepts of Life, Death, and Soul in Traditional Khakas Beliefs] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political Sciences, Law, Culturology, and Art Research. Issues of Theory and Practice]. № 3(9). Tambov: Gramota, pp. 13–17.
20. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskij yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka. (2006) [Historical and Comparative Turkic Grammar. The Pra-Turkic Language. The Pra-Turkic World View According to Language]. M.
21. Golikova T.A. (2008). Altajskie traditsionnye predstavleniya o smerti i potustoronnem mire [frazeologizmy] [Traditional Altai Concepts of Death and the Otherworld. Idioms] // Chelovek govoryashchij i pishuschij: materialy IV Mezhdunarodnykh Berezinskikh chtenij. [The Speaking and Writing Man: Materials of the IV International Berezin Reading]. M., pp. 15–24.
22. Ondar Ch.Ch. (2004) Imena prilagatel'nye, oboznachayushchie dushevnye kachestva, v tuvinskom yazyke [Adjectives Denoting Psychological Qualities in the Tuvan Language] // Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri. [Languages of Folklore of Native Siberian Peoples]. № 14. Novosibirsk: NSU. pp. 53–59.
23. Tyuntешеva Ye.V. (2006) Chelovek v zerkale frazeologii (na materiale tyurkskikh yazykov Sibiri, kazakhskogo i kirgizskogo). Novosibirsk.
24. Pyurbеev G.Ts., Turdumatova E.B. (2010) Kontsept «dusha» v yazykovom soznanii russkikh i kalmykov [Concept «soul» in linguistic consciousness of Russians and Kalmyks] // Gumanitarnye issledovaniya [Humanities Research], no. 4 (36), pp. 125–130.
25. Badmatsyrenova N.B. (2012) Kontsept «dusha» v mongol'skoj yazykovoy kartine mira [Concept «soul» in Mongolian language picture of the world] // Sanzheevskie chteniya-7 [Sanzheev's conference-7]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, pp. 34–36.
26. Badmaeva L.D. (2017) Elementy kategorizatsii intellektual'noy sfery v buryatskom yazyke [The Items of Categorization of the Intellectual Sphere in the Buryat Language] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. № 1 (67). Vol. 2. Tambov: Gramota, pp. 79–83.
27. Sundueva Ye.V. (2018) Vnutrennyaya forma leksemy *sedkil* 'dusha' v mongol'skikh yazykakh [The Inner Form of the Word *sedkil* 'soul' in the Mongolian Languages] // Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Novosibirsk State University Bulletin. Series: Linguistics and Inter-Cultural Communication]. Vol. 16. № 2. pp. 83–89.

28. Pyurbeev G.Ts. (2002) Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar. [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 4. Kh–Ya, M.: Academia.
29. Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov (2000). [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Interturkic stems starting with letter 'K']. M.: Nauka.
30. Drevnyeturkskij slovar' [Old Turkic dictionary] (1969) / Pod red. V. M. Nadelyaeva, D. M. Nasilova, E.R. Tenisheva, A.M. Scherbaka. L.: Nauka.
31. Pyurbeev G.Ts. (2001) Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar. [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 3. Ø–F. M.: Academia.
32. Kazakhsko-russkij slovar' (2008) [Kazakh-Russian Dictionary]. Almaty.
33. Uraksin Z.G. (1996). Bashkirsko-russkij slovar' [Bashkir-Russian dictionary]. M.: Digora, Rus. yaz.
34. Subrakova O.V. (2006) Khakassko-russkij slovar' [Khakas-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
35. Pyurbeev G.Ts. (2001). Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar. [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 1. A–G, M.: Academia.
36. Akhmet'yanov R.G. (2015) Etimologicheskij slovar' tatarskogo yazyka [Etymological Dictionary of Tatar Language]. Vol. 2. Kazan': Magarif-Vakyt.
37. Pekarskij E.K. (1959) Slovar' yakutskogo yazyka. [Yakut Dictionary]. Volume 3. M.: AN SSSR.
38. Khisamitdinova F.G. (2011) Slovar' bashkirskoj mifologii [Bashkir Mythology Dictionary] Ufa: IYYaL UMTs RAN.
39. Butanaev V.Ya. (1999) Khakassko-russkij istoriko-etnograficheskij slovar' [Khakas-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan.
40. Dampilova L.S., Tsybikova B.-Kh. B. (2020) Obryad zamescheniya dushi v shamanskoj praktike buryat [The Rite of Soul Replacement in Buryat Shamanism] // Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Philology], №1, pp. 49–57.
41. Chumakaev A.E. (2018) Altajsko-russkij slovar' [Altai-Russian dictionary]. BNU RA NII altaistiki im. S.S. Surazakova. Gorno-Altajsk.
42. Mongush D.A. (2011). Tolkovij slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Tuvan Language]. Vol. II. K–S. Novosibirsk: Nauka.
43. Rassadin V.I. (2016) Tofalarsko-russkij slovar' [Tofalar-Russian Dictionary]. M.: Izdatel'skij dom YaSK.
44. Clauson G. (1972) An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford University Press, 1040 p.
45. Tadysheva N.O. (2010) Osobennosti perevoda pravoslavnykh tekstov na altajskij yazyk [Issues of Translation of Orthodox Christian Texts into Altai] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Bulletin]. № 333, pp. 87–90.
46. Chumakaev A.E. (2005) Altajsko-russkij frazeologicheskij slovar' [Altai-Russian Phraseological Dictionary]. Gorno-Altajsk.
47. Mongush D.A. (2003). Tolkovij slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Tuvan Language]. Vol. I. A–J. Novosibirsk: Nauka.
48. Tenishev E.R. (1968) Tuvinsko-russkij slovar' [Tuvan-Russian Dictionary]. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya.

Received 27 October 2020